

УДК 342.41; 340.5

КОНСТИТУЦИЯ И ЦЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА КАК МЕГА-ПАРАДИГМЫ¹

© 2018 г. И. А. Кравец

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

E-mail: kravigor@gmail.com

Поступила в редакцию 28.09.2018 г.

В статье сформулировано и обосновано методологическое понимание конституционализма как мега-парадигмы. В ней рассматриваются теоретические основы конституционной телеологии и конституционной аксиологии, их соотношение в российском конституционализме, идентификация и полисемия конституционализма; универсальность, множественность и публичный интерес как ценности конституционализма; телеологические нормы как конституционные предписания, соотношение правовых и моральных ценностей в большом и малом круге конституционализма. В статье используются методы формально-юридического, конкретно-исторического, сравнительно-правового и комплексного анализа правовых актов, государственно-правовой и межгосударственной практики, методы конституционного проектирования (конституционного дизайна) и юридической герменевтики для интерпретации нормативных основ и перспектив совершенствования российского конституционализма в условиях формирования глобального конституционализма. Новизна исследования заключается в осмыслении полисемии конституционализма в отечественной и компаративной юриспруденции, в разработке теоретических основ конституционализма как мега-парадигмы.

Ключевые слова: конституционализм, полисемия, конституционная телеология, аксиология, конституционные предписания, конституционализм как мега-парадигма, конституция, конституционность, публичный интерес, стабильность и динамизм.

DOI: 10.31857/S013207690002199-0

Конституционализм как мега-парадигма: идентификация, полисемия, универсальность, множественность, публичный интерес

В год 25-летия Конституции РФ 1993 г. актуальность конституционализма как правового явления неизменно высока во многом и потому, что как в доктринальном плане, так и в правореализационном контексте Конституция — это важнейшая нормативная основа, но всё же только часть системы конституционализма. Доктринальное и правореализационное измерение Конституции затрагивает целевые ориентиры и ценностные основания российского конституционализма. Мы говорим, что у нас есть *демократическая и победная* Конституция, но и по прошествии четверти века после её введения в действие расходимся во мнении, какой тип (форму) конституционализма она позволяет идентифи-

цировать в политико-правовых и социально-экономических реалиях нашего времени.

Определение конституционализма занимает значительное место в современных конституционно-правовых исследованиях. Отечественное государство и право прошло путь от неприятия конституционализма как термина, понятия и доктрины до порой слепого восхваления конституционализма в контексте политико-правового порядка, установленного на основе Конституции РФ 1993 г. Прогрессивное значение конституционализма прежде всего видится в установлении правления, ограниченного конституцией². Как правовое понятие

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00761 А.

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-011-00761 А.

конституционализм основывается на понимании писаной конституции и её верховенстве в правовой системе страны³. В современных общественных науках термин “конституционализм” имеет более широкое использование, в том числе и в контексте формирования демократического правления, определения национальных особенностей конституционных форм правления⁴. В отечественных исследованиях конституционализм выступает и в качестве синонима демократического конституционного государства, окрашенного национальной спецификой⁵. Появляются воззрения на политический и экономический конституционализм, некоторые зарубежные учёные исследуют аспекты психологического конституционализма. С позиций территориальной организации публичной власти отмечают существование федеративного, многоуровневого, регионального конституционализма.

Интеграционные и межгосударственные отношения осмысляются в рамках новых концептов европейского, глобального или транснационального конституционализма. Особенно привлекает внимание глобальный конституционализм, который становится международным юридическим термином текущей повестки дня (“du jour” говорит Кр. Швобель)⁶.

Современное международное публичное право находится в поиске элементов конституционного правопорядка, которые могут быть идентифицированы как конституционное право международного сообщества. Это право, на которое, по мнению исследователей, повлияли конституционные идеи и практики различных государств, и, следовательно, они были разработаны в национальном контексте. Конституционное право международного сообщества, оставаясь дискуссионным явлением, заслуживает признания (по мне-

нию некоторых, и среди них — Б. Фассбендер) в качестве права, которое “стоит на своих ногах”⁷.

Современная парадигма конституции, развиваясь в условиях интеграционных процессов и глобализации, демонстрирует живой эффект приспособления к множеству разнообразных государственно-правовых порядков и правовых систем. Множественность подходов к пониманию конституционализма, распространение доктрины за пределы национального государства и её применение к наднациональным правовым, политическим и экономическим отношениям свидетельствуют о формировании новой парадигмы конституционализма, а именно: конституционной мега-парадигмы, которая способна интегрировать различные доктринальные подходы и практики отечественного, национального, регионального и глобального конституционализма. Прежде всего в публичном праве и научном пространстве формируется представление о конституционализме как мега-парадигме. Концепция мега-парадигмы возникает вследствие инкорпорирующего эффекта достижений отдельных парадигм конституционных исследований на базе сочетания и доктринальной конвергенции научных гипотез, конституционной лексики, осмысления разнообразных практик, формирующихся вокруг явления конституционализма. Термин “мега-парадигма” используется в некоторых исследованиях природного эволюционизма (эволюции природных явлений и Вселенной)⁸, однако в юриспруденции пока не занимает своего теоретико-методологического места. Разработка доктрины конституционализма как мега-парадигмы в условиях множественности подходов, конкретных систем в различных государствах, формирование глобального, мирового транснационального конституционализма — веление времени, в котором научному сообществу предстоит оценивать перспективы востребованности как традицион-

² См.: Кабышев В.Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Правоведение. 2001. № 4 (237). С. 61, 62.

³ См.: Кравец И.А. Конституционализм в сравнительном изучении и преподавании // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 6. С. 72–82.

⁴ См.: Кравец И.А. Российский конституционализм: теоретико-методологические и исторические аспекты формирования // Право и политика. 2002. № 6. С. 8–15.

⁵ См.: Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2008.

⁶ См.: Schwöbel, Christine E J. Global Constitutionalism in International Legal Perspective. Leiden, Brill, 2011. P. 1.

⁷ Fassbender B. The United Nations Charter as the Constitution of the International Community. Leiden/Boston, 2009. P. 1, 2.

⁸ См.: Гринин Л.Е., Марков А.В., Коротаев А.В., Панов А.Д. Эволюционная мега-парадигма: возможности, проблемы, перспективы // Универсальная и глобальная история (эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества): хрестоматия. Сер. “Библиотека факультета глобальных процессов МГУ” / под ред. Л.Е. Гринина, И.В. Ильина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2012. С. 106–119.

ных и универсальных, так и инновационных и национальных идей, принципов и постулатов современной конституционной теории и практики конституционализма.

Предпосылками для формирования *мега-парадигмы конституционализма* являются не только широкое проникновение идей и принципов конституционализма в сферы публичного и частного права, но и выход за пределы суверенных национальных (многонациональных) государств. Конституционализм за пределами национального государства, по мнению Г. Тойбнера (Gunther Teubner), означает два разных момента: конституционные проблемы, возникающие за пределами национального государства в транснациональных политических процессах и в то же время вне институционального политического сектора, в “частных” секторах глобального общества⁹.

В российских исследованиях проблематике транснационального конституционализма уделяется пока недостаточное внимание, в основном в контексте методологии сравнительного конституционного права без разработки методологии исследований конституционализма как мега-парадигмы. Мега-парадигма конституционализма вбирает ценности как позитивного, так и естественного права, создавая в рамках нового дискурса интегративное объединение юридического позитивизма и современных теорий естественного права. В некоторых работах отстаивается представление о современном конституционализме как синтетическом единстве естественного и позитивного права¹⁰.

Однако можно ли утверждать, что термин “конституционализм” является полисемическим, и если да, то какой вид полисемии имеется в виду? В исследованиях лексической полисемии (М.В. Никитин, О.Ю. Герви) констатируется, что многозначность занимает центральное место в лингвистических исследованиях, ибо полисемия представляет собой конститутивное свойство естественных языков¹¹; в исследованиях межотраслевой полисемии (С.Н. Чистюхина) отмечает-

ся существование “межотраслевых полисемантов”¹². Развитие многозначности позволяет языку за счёт ограниченного числа единиц экономно выражать гораздо большее число значений. В случае с конституционализмом признание полисемии отражает важный процесс ассоциативного сближения выражаемых идей, которые осваивают новое пространство (не только внутригосударственное, но и наднациональное, планетарное). Конституционализм выполняет функцию *межотраслевого полисеманта*. Благодаря широте выражаемых им идей в контексте современного национального, межгосударственного и глобального мироустройства он способен порождать концепты, формирующие мега-парадигму. Для демаркации лексической полисемии используются как формально-лингвистические методы, так и достижения когнитивной лингвистики, междисциплинарной по своему значению, объектом которой является язык как механизм познания¹³.

Межотраслевая полисемия конституционализма как мега-парадигмы означает: 1) значения термина существуют в различных отраслях знания (юриспруденции, политологии, социологии, экономике, истории, международных отношениях), они содержательно связаны и формируют важные ассоциативные связи в развитии и обогащении идей; 2) различные значения термина содержательно взаимодействуют благодаря семантическим взаимосвязям, которые образуются в процессе познания нормативных и эмпирических элементов конституционализма в страноведческом или более широком значении; 3) существуют общность языковой формы и, что особенно важно, сходность знакового изображения термина “конституционализм” во многих языках (кроме языков с иероглифическим начертанием); такая общность выполняет функцию обратной связи с содержанием различных значений термина в контексте как исторического и генетического понимания, так и современной действительности; 4) мера содержательной близости, “дистантность значений”, по словам М.В. Никитина, позволяет отличать полисемию от омонимии¹⁴.

Лингвистика определяет межотраслевой полисемант как многозначный термин, значения которого относятся к разным областям

⁹ См.: Teubner G. Constitutional Fragments: Societal Constitutionalism and Globalization. Oxford, 2012. P. 2, 3.

¹⁰ См.: Эбзеев Б.С. Современный конституционализм как синтетическое единство естественного и позитивного права // Государство и право. 2015. № 12. С. 5–15.

¹¹ См.: Никитин М.В. Курс лексической семантики. СПб., 2007. С. 176; Герви О.Ю. Виды лексической полисемии в структуре дискурса (На материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.

¹² Чистюхина С. Н. Межотраслевая полисемия в терминологической системе современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

¹³ См.: Скребицова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб., 2011. С. 8, 9.

¹⁴ См.: Никитин М.В. Указ. соч. С. 176.

специальных знаний, но они объединены наличием прямой или опосредованной связи между значениями.

Полисемия конституционализма предполагает признание того факта, что не единственный концепт, а множество концептов (без жёстко очерченного круга) вовлекаются в орбиту научного познания. *Гравитационное поле* конституционализма как *мега-парадигмы* формируется с открытыми контурами в процессе своего развития. В данное поле притягиваются не только традиционные для конституционализма категории “верховенство конституции”, “верховенство права”, “народный суверенитет”, “разделение властей”, “конституционный судебный надзор или контроль”, но и относительно новые: “конституционный дизайн на наднациональном и глобальном уровнях”, “международная конституционализация”, “конституционализм в международном праве” и др. Наличие множества концепций, вовлеченных в осмысление когнитивного потенциала конституционализма, показывает реальность и значимость полисемии термина в контексте его использования и на наднациональном уровне без пока согласованного в научных кругах значения.

В современных исследованиях используются концепты горизонтального и вертикального конституционализма. В данных концепциях присутствует попытка осмыслить различные векторы конституционализации правопорядка и отраслей права, однако такие направления исследований не могут претендовать на формирование конституционной мега-парадигмы исследований. Концепция горизонтального конституционализма призвана осмыслить эффект влияния конституционных норм на законодательство и практику реализации норм публичного и частного права, включая судебную практику, создавая необходимые научные каноны проникновения конституционных предписаний (норм и принципов) в иные сферы правового регулирования, политического, экономического порядка¹⁵. В российских исследованиях высказывается обоснованное мнение, ориентированное на “горизонтальный эффект” действия основных прав и свобод в сфере частного права, прямое действие норм конституции о правах и свободах и их юрисдикционно-судебное обеспечение органами консти-

туционного правосудия¹⁶. Встречается термин “горизонтальный федерализм”, которым характеризуется влияние решений верховного суда одного штата на решения верховного суда (или судов) иного штата (или штатов)¹⁷.

Одной из востребованных тем для обсуждения является проблема сочетания и определённой конвергенции универсальных и национальных ценностей конституционализма, множественности форм и правового воплощения конституционных принципов и самого конституционализма, соотношение легитимности конституционализма и обеспечение различных проявлений публичного интереса в деятельности органов публичной власти, институтов государственной и муниципальной службы. Важным оказывается, насколько конституционализм как правовое и политическое явление связывает и обеспечивает взаимодействие публичной и частной сфер жизнедеятельности, эффективную защиту публичного интереса при регулировании экономической деятельности государства, государственных и муниципальных контрактов, использование бюджетных средств на различных территориальных уровнях организации публичной власти (государственной и муниципальной). В критических исследованиях, посвящённых разделению публичного и частного права в рамках традиции общего права, обсуждается проблема приемлемости сохранения такого деления для целей поддержания эффективного контроля над властью и уважения к автономии и достоинству личности¹⁸. Другие исследователи признают multifunctionальное значение разделения между публичной и частной сферами права, которое зависит от контекста работы правовых институтов в различных странах (например, в Англии и Нидерландах)¹⁹.

¹⁶ См.: Джагарян А.А. Горизонтальный конституционализм: основания и перспективы // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы: сб. материалов Междунар. науч. конф. / отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2017. С. 47–53.

¹⁷ См.: Williams B. Horizontal Federalism Inches Along: New Jersey's Experiment in State Constitutionalism and Consent Searches Finally Finds Company // Texas Journal on Civil Liberties & Civil Rights. 2000. Vol. 5. Issue 1. P. 1–26.

¹⁸ См.: Oliver D. Common Values and the Public-Private Divide. London, 1999.

¹⁹ См.: Jurgens G., Van Ommeren F. The public-private divide in English and Dutch law: a multifunctional and context-dependant divide // The Cambridge Law Journal. 2012. V. 71. Issue 1. P. 172–199. DOI: 10.1017/S0008197312000244

¹⁵ См.: Phillipson G, Williams A. Horizontal Effect and the Constitutional Constraint // Modern Law Review. 2011. Vol. 74. Issue 6. P. 878–910. DOI: 10.1111/j.1468-2230.2011.00876

Концепции конституционализма, предназначенные для национального (внутригосударственного) территориального пространства (в некоторых случаях для пространства Европейского Союза), опираются на понятие писаной конституции, образ которой встаёт перед исследователями и глобального конституционализма. Писанные конституции имеют склонность существовать в обществах, которые обладают относительной стабильностью в пределах многообразия и изменения²⁰. Легитимность конституционализма связана с тем основанием, на которое он опирается. Конституционализм испытывает сложности реализации, а баланс властных структур не может быть сохранен без всеобщего согласия различных социальных групп, слоев, всего народа с имеющейся в данном обществе формой правления. Конституционный статус формы правления имеет важное легитимирующее значение, и её неопределённость или отсутствие консолидированного согласия в отношении её параметров может приводить к кризису конституционной легитимности. Консенсус является той необходимой опорой, без которой конституционализм повисает в воздухе или остается на бумаге (“бумажный конституционализм”). Можно согласиться с высказыванием американского правоведа А.Е. Дика Ховарда о том, что одним из принципов конституционализма является утверждение, что правительство происходит из народа и существует в согласии с ним²¹.

Современный конституционализм юридическим основанием имеет, как правило, писаную конституцию (кодифицированную или нет). Парадигма писаной конституции стала пониматься сообществом конституционалистов как наиболее востребованная модель правового регулирования и как наиболее распространенное правовое явление в государствах с различным уровнем социально-политического и социально-экономического развития²². Учёным, работающим в рамках определенных национальных традиций, легко предположить, что особенности их собственных конституций являются окончательными

для конституционализма, как такового. Исследователь называет подобные убеждения “местническими иллюзиями” (*parochial illusions*)²³.

Ценности конституционализма распространяются подобно волнам от центра к observable миру конституционного пространства. Одни конституции долговечны, другие — нет и вторых — большинство. По свидетельству исследователей, только половина из числа существующих конституций “живёт” более девяти лет, остальные умирают, создавая эффект весьма высокой конституционной смертности в планетарном масштабе²⁴.

Ценность конституции — в её стабильности. Однако понимание стабильности и динамизма в их соотношении в современных исследованиях различается. Одни авторы понимают стабильность как неизменность основного закона страны, в стабильности видят одну из характерных черт современной кодифицированной конституции. Другие авторы исходят из позиции, что “стабильность”, “изменяемость” или “развитие” основного закона не являются взаимоисключающими понятиями. Стабильность конституции не должна толковаться как неизменность и неизменяемость конституционного регулирования. Например, А.А. Манасян придерживается взгляда на стабильность конституции как на динамическое, а не статическое свойство. Динамическая стабильность связывает ядро конституции, которое не подвергается фундаментальным изменениям. При этом конституция сама в состоянии адаптироваться к развивающимся общественным отношениям, быть стимулом их развития. Это, в свою очередь, предполагает, что основной закон должен быть самодостаточным, конституционные нормы должны составлять взаимосвязанную, систематизированную общность, регулировать не только существующие общественные отношения, но также выдвигать обуславливающие их развитие цели, к которым должно стремиться данное общество, а конституция в результате должна быть в состоянии осуществлять свои функции²⁵.

²⁰ См.: Raz J. On the Authority and Interpretation of Constitutions: Some Preliminaries // *Constitutionalism. Philosophical Foundations* / ed. by A. Larry. Cambridge, 1998. P. 154, 155.

²¹ См.: Ховард Дик А.Е. Конституционализм // *Верховенство права: сб. / пер. с англ. М., 1992. С. 53.*

²² См.: Кравец И.А. Принципы российского конституционализма и конституционализация правового порядка. М., 2017. С. 211.

²³ См.: Galston W. Pluralist constitutionalism // *Social Philosophy and Policy*. 2011. Vol. 28, Issue 1. P. 228–241. DOI: 10.1017/S0265052510000117

²⁴ См.: Elkins Z., Ginsburg T., Melton J. The Endurance of National Constitutions. Cambridge, 2009.

²⁵ См.: Манасян А.А. Стабильность конституции как важнейшая предпосылка укрепления конституционализма в современных государствах // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2013. № 5 (96). С. 21–31.

По мнению Н.С. Бондаря, глобализация напрямую влияет на конституционные системы современных государств, предопределяет новые ценностные критерии их развития, модернизации и защиты с помощью различного рода средств, институтов и механизмов их реализации в системе “живого” российского конституционализма²⁶.

Исследователь из ФРГ (Университет им. И.В. Гёте, Франкфурт) Г. Тойбнер (Gunther Teubner) как сторонник конституционной социологии при изучении транснационализации и конституционализации за пределами национального государства, отмечает три проблемы в тенденциях конституционализации, которые возникают за пределами суверенного государства, в сфере международной политики или в “частных” секторах глобального общества: 1) проанализировать текущие процессы конституционализации за рамками суверенных государств с эмпирической точки зрения; 2) разработать теорию транснационального социального конституционализма; 3) сформулировать социологические предпосылки для определения нормативных перспектив в политике и праве на транснациональном уровне. Важно, чтобы конституционное право было способно решить задачу разработки конституционных правил, которые в состоянии ответить на юридические дилеммы формирования транснациональных режимов. Один из всемирных факторов, способных ответить на поставленный вопрос, — это “проникающая конституционализация” (*penetrating constitutionalisation*)²⁷.

Дон Оливер, развивая концепт “психологического конституционализма”, задаёт вопрос в своей статье: “Что говорят науки о человеческой природе и психологии о конституционном праве и конституционализме в западных демократиях? В дальнейшем сосредоточивается на психологических аспектах

демократии, конституционализма и публичности или общих интересов?”²⁸. По его мнению, существует довольно простой *принцип конституционных договоренностей* в Великобритании. На самом деле, полагает он, это — основополагающий принцип. Он объясняет, почему министры и другие государственные органы могут и должны поощрять общественный интерес, а не, например, интересы их сторон или спонсоров, их родственных групп или расовых, этнических, клановых или религиозных групп, к которым они принадлежат. Этот основной принцип распадается на два взаимосвязанных принципа. *Принцип общественных интересов* требует, чтобы государственные органы действовали в интересах широкой общественности. Данный принцип, среди прочего, предполагает, что “общественность” или население являются достаточно последовательной группой со взаимосвязанными общими публичными интересами, которые должны обеспечиваться правительством страны, поскольку население соглашается с тем, что оно обслуживается правительством. *Принцип государственной службы* включает в себя идею о том, что вполне реалистично ожидание того, что политики и государственные служащие будут служить интересам, отличным от их собственных эгоистических интересов, — интересам широкой общественности. Следовательно, в психологическом плане конституционализм формирует общественные ожидания, основанные на обеспечении общественных интересов страны и предотвращении на государственной службе удовлетворения эгоистических или местнических интересов.

Конституционализм о целях и ценностях развития Российского государства и общества в контексте глобализации и интеграционных процессов

Современный конституционализм испытывает на себе влияние глобализации и формирующегося интеграционного права. Как правовое явление конституционализм имеет не только национальное, но и наднациональное, международное и сравнительно-правовое измерение. В качестве доктрины и нормативного концепта конституционализм активно

²⁶ См.: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: постановка проблемы в контексте роли Конституционного Суда в утверждении “живого” российского конституционализма. Т. 68 // Lex Russica. 2009. № 2. С. 343.

²⁷ См.: Teubner G. Op. cit. Constitutional Fragments: Societal Constitutionalism and Globalization; Teubner G. The Project of Constitutional Sociology: Irritating Nation State Constitutionalism // Transnational Legal Theory. 2013. Vol. 4. № 1. P. 44–58; Тойбнер Г. Контур конституционной социологии: преодоление исключительности государственного конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1 (110). С. 41–55.

²⁸ Oliver D. Psychological constitutionalism // The Cambridge Law Journal. 2010. Vol. 69, Issue 3. P. 639–675. DOI: 10.1017/S0008197310000838

вовлечен в интеграционные процессы как для целей согласования внутригосударственного и наднационального правопорядков с использованием определённых форм правовой конвергенции, так и для выработки конституционно-правовых механизмов (институциональных, процессуальных и иных средств) развития и совершенствования правовой системы страны под влиянием глобализации и интеграции государств. Конституционно-правовые институты оказывают значительное содействие международному общению и процессу интеграции через право, в которых активное участие принимает Российская Федерация.

В научных работах, изучающих процессы интеграции и глобализации сквозь призму права, правовых институтов и методов, способов правового регулирования и закрепления таких процессов, используется весьма широкий диапазон терминов и концепций. Среди них активное место в осмыслении интеграционных процессов и разработки проектов мирового порядка занимают понятия и термины из области как конституционной юриспруденции, так и наднационального права. Происходит взаимопроникновение конституционного и наднационального права, которое охватывает и интеграционное право.

Важно, чтобы национальные конституции интегрирующихся государств санкционировали и определяли некоторые формы и границы международной (в том числе европейской и иной) интеграции. Теории многоуровневого конституционализма и конституционного синтеза призваны содействовать объяснению роли конституционных элементов в интеграционных процессах²⁹.

В современном мире проблемы правовой глобализации и международной интеграции, с одной стороны, и регионализации и традиционализации правовых систем — с другой, рассматриваются в контексте соотношения глобального (планетарного), международного и национального конституционализма и в то же время как научное осмысление интернацио-

нализации конституционного права и правовой системы страны в целом, так и конституционализации международного публичного права и процедур имплементации международных договоров и международных обязательств в условиях универсального или регионального пространств. В области сравнительного конституционного права и сравнительного конституционализма обсуждаются проблемы развития “мирового конституционализма”³⁰, “глобального конституционализма”³¹ или “транснационального конституционализма”³². Издательством Кембриджского университета стал издаваться с 2012 г. научный журнал “Глобальный конституционализм”, открытый для многих дискуссионных вопросов³³. В российской научной юриспруденции ставятся и обсуждаются проблемы транснационального конституционализма в контексте положительных и отрицательных последствий глобализации, идейного истощения правовых форм межгосударственной кооперации³⁴. Однако специализированного научного юридического периодического издания как отражения отечественной школы конституционалистов и международников до сих пор нет.

Концепты мирового, глобального, транснационального конституционализма выдвигают перед конституционной телеологией новые задачи когнитивного характера. Очевидно, что цели конституционного регулирования на внутригосударственной территории будут в чём-то совпадать, но всё же в значительной степени отличаться от целей международной или планетарной конституционализации. При этом Россия находится в

³⁰ Ackerman B. The Rise of World Constitutionalism // Virginia Law Review 1997. Vol. 83. P. 771.

³¹ Young E. A. The Trouble with Global Constitutionalism // Texas International Law Journal. 2003. Vol. 38. P. 527.

³² Transnational Constitutionalism. International and European Perspectives / ed. by N. Tsagourias. Cambridge, 2007; Yeh J.-R., Chang W.-Ch. The Emergence of Transnational Constitutionalism: Its Features, Challenges and Solutions // Penn State International Law Review. 2008. Vol. 27. № 1. P. 89; Zumbansen P. Comparative, global and transnational constitutionalism: The emergence of a transnational legal-pluralist order // Global Constitutionalism. 2012. Vol. 1. Issue 1. P. 16–52.

³³ См.: Wiener A., Lang A.F., Tully J., Maduro M.P., Kumm M. Global constitutionalism: Human rights, democracy and the rule of law // Global Constitutionalism. 2012. Vol. 1. Issue 1. P. 1–15.

³⁴ См.: Эбзеев Б.С. Глобализация и становление транснационального конституционализма // Государство и право. 2017. № 1. С. 5–15.

²⁹ См.: Pernice I. Multilevel Constitutionalism and the Treaty of Amsterdam: European Constitution-Making Revisited? // Common Market Law Review. 1999. Vol. 36. P. 703–750; Pernice I. The Treaty of Lisbon: Multilevel Constitutionalism in Action // Columbia Journal of European Law. 2009. Vol. 15. P. 349–407; Fossum J. E., et al. The Constitution's Gift: A Constitutional Theory for a Democratic European Union, Rowman & Littlefield Publishers, 2011. P. 44–70.

состоянии выработки форм и способов участия в межгосударственных отношениях на языке конституции, разработки структурных особенностей конституции, отвечающих процессам конституционализации международного права и интернационализации конституционного права. Конституционные цели межгосударственных отношений пока не нашли глубокого и всестороннего отражения в нормах отечественной конституции.

В традиционном русле внутригосударственной конституционной юриспруденции исследование конституционной телеологии и конституционной аксиологии в современных научных публикациях связывается с различными конституционно-правовыми институтами и процессами в российской юриспруденции. Доктрина и практика конституционной телеологии на современном этапе складывается под влиянием как советского опыта создания программных положений конституций, так и развития, широкого использования конституционных ценностей применительно к различным государственно-правовым институтам и формирования доктрины конституционной аксиологии, в том числе, опираясь на практику конституционного правосудия³⁵. Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии призвана согласовать нормативный потенциал Конституции РФ и проблемы реализации и обеспечения конституционных ценностей, иерархия которых находится под пристальным вниманием Конституционного Суда РФ³⁶.

Происхождение современных конституций неразрывно связано с правовой кодификацией целей и ценностей развития политических сообществ, оформлявшихся в государства с конституционными режимами. Намерения создателей конституций формулировались как конституционные цели в преамбуле учредительных актов от имени народа в условиях современных демократических государств. Народные конституции становились таковыми и с позиций преамбул, в которых отражалась формула легитимации учредительных актов: «Мы, народ...», в Конституции РФ 1993 г.: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...».

³⁵ Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Сер. "Библиотечка судебного конституционализма". Вып. 2. М., 2013.

³⁶ См.: Джагарян А.А., Джагарян Н.В. Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии // Юридический мир. 2014. № 2. С. 27–34.

Целеполагание имеет некоторые правовые формы закрепления и реализации в правовой системе страны. Нормы-цели и нормы-задачи создают юридические основы для целеполагания в праве. Однако определенные виды юридических норм, не сформулированные в виде целей и задач, могут обладать эффектом целеполагания, особенно если эти нормы в виде основ конституционного строя, принципов конституционализма, конституционных принципов организации и деятельности органов публичной власти закреплены в конституции страны и поддерживаются механизмом реализации в правовой системе в целом.

Конституционно-правовое регулирование целей и задач Российского государства и общества имеет нормативное основание в Конституции РФ 1993 г. Правовое закрепление целей и задач в отношении различных элементов правовой и политической системы, институциональных средств их развития — устоявшиеся формы права, которыми создают важнейшие стратегические и ценностные ориентиры развития государства и общества, участия в международных отношениях и создания межгосударственных объединений и наднациональных правовых образований.

Конституционно-правовые нормы опосредуют цели и задачи деятельности отдельных органов государства (например, Конституционного Суда РФ)³⁷ или цели и задачи конституционного судопроизводства в России применительно к органам конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации и иных федеративных государствах (США, ФРГ)³⁸. В отдельных исследованиях выявляются взаимосвязи конституционных норм, с одной стороны, целей и задач уголовного законодательства — с другой, раскрываются их конституционная направленность и обусловленность³⁹.

³⁷ См.: Гаджиев Г.А. Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда Российской Федерации (части I и II) // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1. С. 10–16; № 2. С. 8–11.

³⁸ См.: Жилин Г.А. Задачи и цели конституционного судопроизводства // Там же. 2016. № 3. С. 1–8; Болдырева Е.В. Задачи и цели конституционного правосудия в субъектах федеративных государств (на примере США, ФРГ и Российской Федерации) // Там же. 2007. № 2. С. 52–61.

³⁹ См.: Петин И.А. Конституционная направленность целей наказания и задач уголовного законодательства // Росс. юстиция. 2011. № 8. С. 17–21.

Конституционные цели организации государственной власти проистекают из Конституции и федерального законодательства, а также из официального толкования конституционных норм Конституционным Судом РФ. Соотношение конституционных норм, их интерпретации и законодательного обеспечения — важная составляющая часть механизма реализации конституционных целей и правовых средств их регулирования и обеспечения применительно к организации государственной власти⁴⁰.

Конституционализм основан на целях и ценностях, которые непосредственно отражаются в нормах конституций, и формирует конституционное целеполагание в контексте правового, политического и ценностного измерения. Декларативность норм Конституции рассматривается в работах как препятствие для реализации конституционных целей и задач, поставленных перед государственной властью. По мнению отдельных исследователей, “преодоление кризиса конституционализма следует начинать с указания в конституционном тексте на конкретные цели и ценности”⁴¹. При этом остаётся весьма дискуссионным вопрос: нужно ли ставить новые цели и задачи в новой конституции или разобраться с имеющимся набором целей, задач и принципов, заложенных в Конституции РФ 1993 г.? Особенно важно согласование нормативных, интерпретационных и правореализационных компонентов осуществления конституционных целей и принципов российского конституционализма.

Обсуждается дилемма природы и практики реализации *телеологических норм конституции*. В частности, насколько телеологические нормы, как содержащие цели и задачи конституционного характера, являются правовыми (и, следовательно, конституционными) предписаниями в собственном смысле слова? Исследователи конституционных предписаний как правовой категории отмечают, что термин “предписание” довольно активно используется в юриспруденции, в том числе в сфере конституционно-правового регулиро-

вания, но понимание его составляет предмет научных дискуссий⁴². Введённое в 1967 г. понятие “правовое предписание” за более чем 50-летний период научной разработки в отечественной юриспруденции не приобрело устойчивого определения и ясных юридических свойств. Это понятие было сформулировано в советской юридической литературе А.В. Мицкевичем⁴³. Правовое предписание стало рассматриваться как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках в качестве юридического веления, облечённого в соответствующую форму отраслевого права (конституционного, административного, гражданского, уголовного и пр.).

Телеологические и аксиологические детерминанты в российском конституционализме обусловлены не терминологическими, а концептуальными вопросами правовых моделей и сущностными ориентациями, методами и способами дальнейшего решения конституционного вопроса в России. Для некоторых исследователей по-прежнему особую методологическую сложность представляет проблема определения понятия “конституционализм”⁴⁴. Представляется, что современный российский контекст развития конституционализма с позиций мировых моделей и проблематики глобального и транснационального конституционализма — вовсе не терминологическая проблема, так как не вербальные или текстуальные определения, а концептуальные, сущностные и системные подходы способны пролить свет на особенности российского конституционализма, раскрыть его телеологический потенциал и артикулируемые, но не реализуемые ценности в правовой системе.

Возникновение теории ценностей, или аксиологии, как оформившегося направления теоретической мысли связывают с концом XIX — началом XX в. Аксиология может рассматриваться и как общеметодологическая сфера знаний для различных наук, изучающих

⁴⁰ См.: Степанова А.А. Конституционные цели и законодательство об организации государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 16–19.

⁴¹ Добрынин Н.М. О категории целеполагания в контексте конституционализма // Государство и право. 2011. № 11. С. 13.

⁴² См.: Алешкова И.А., Власова Т.В. Конституционное предписание как правовая категория // Там же. 2018. № 6. С. 82.

⁴³ См.: Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов власти и управления СССР. М., 1967. С. 34.

⁴⁴ См.: Федоров М.В. Сравнительно-правовые исследования конституционализма // Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур: учеб. пособие / под ред. М.В. Немытиной. М., 2016. С. 188.

ценности, ибо стремление выявить, по словам Н. Неновски, “общие принципы ценностей и оценок, их общие понятия”⁴⁵ связывает предмет аксиологии с потребностью изучить всеобщее в разнообразных ценностях.

Разработка ценностей и их изучение — это одна из тенденций постнеклассической науки (эффект “аксиологизации”). “Ценностный подход, — считает Е.В. Перепелица, — инвестирует содержательно новое — аксиологическое видение и измерение оснований права”⁴⁶. Конституционная аксиология формировалась с ориентацией на решение практико-прикладных конституционных и отраслевых задач, связанных с деятельностью органов конституционного правосудия. Представляется важным рассматривать концепт конституционной аксиологии с позиций системной и комплексной методологии познания правовых явлений.

Конституционная аксиология задает параметры и ориентиры конституционализации правовой системы страны, отраслей российского права. В 2018 г. отмечается 25-летие действия Конституции РФ 1993 г., которая по-прежнему оценивается с позиций нереализованной правовой потенции. В современных дискуссиях о конституционализации правопорядка и отраслей российского права можно выделить несколько векторов развития научной доктрины. Первое направление — это использование интерпретационных методологий в процессе конституционализации⁴⁷. Второе направление — судебная конституционализация обеспечения основных прав и свобод в Российской Федерации и проблема исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека⁴⁸. В России

сформировался достаточно уникальный механизм поддержания конституционной самобытности в сфере охраны и реализации основных прав и свобод, который может препятствовать прогрессивному и поэтапному развитию и совершенствованию государственных стандартов защиты прав и свобод по отношению к общеевропейскому процессу в области юриспруденции прав человека.

С позиций взаимодействия государства и общества российский конституционализм сформировался под влиянием политического патернализма и концепции *всемерной поддержки самоохраны* Российского государства и национальных интересов. По мнению А.А. Арутюняна, конституционализм предстаёт и как режим взаимоотношений государства и гражданского общества⁴⁹. В этой процедуре взаимоотношений государство в России — не только политический доминант, но и несоизмеримый ограничитель институтов гражданского общества в целях самоохраны.

Конституционализм как мега-парадигма предполагает освоение представлений о соотношении права и морали в концепциях правопонимания. Такое соотношение развивается в XXI столетии под влиянием “работы” современных конституционно-правовых институтов, практики конституционализма, в том числе практики судебного обеспечения прав и свобод средствами как конституционного правосудия, так и наднациональных судебных органов. В современной доктрине юридического позитивизма и аналитической философии права приобретает важный смысл *сочетаемость* моральных и правовых ценностей. Значение такой сочетаемости в конституционной юриспруденции заключается в том, что она влияет на формирование и применение методологии разрешения конституционных конфликтов и коллизий, возникающих в сфере защиты основных прав и свобод средствами конституционной и наднациональной юстиции, применение принципа соразмерности ограничений прав и свобод личности.

Конституция действует во всех сферах жизнедеятельности личности, общества и государства. Можно предположить, что конституция

⁴⁵ Неновски Н. Право и ценности / пер. с болг.; вступ. ст. и пер. В.М. Сафронова; под ред. В.Д. Зорькина. М., 1987. С. 25.

⁴⁶ Перепелица Е.В. Познавательные задачи и возможности конституционной аксиологии // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 11–14.

⁴⁷ См.: Кравец И.А. Конституционализация правопорядка, интерпретационные методологии конституционного права и круг понимания в герменевтике // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. III Московский юридический форум. X Междунар. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения): материалы конф. в 4 ч. Ч. 1. М., 2016. С. 207–211.

⁴⁸ См.: Кравец И.А. Судебная конституционализация обеспечения основных прав и свобод и проблема исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека // Обеспечение прав и свобод

человека в современном мире: материалы конф: в 4 ч. Ч. 1. М., 2017. С. 212–216.

⁴⁹ См.: Арутюнян А.А. Конституционализм: проблемы постсоветской реальности. М., 2013. С. 82–90.

выполняет роль оболочки правовой операционной системы, в которой осуществляется деятельность различных субъектов права. Такая “конституционная оболочка” содержит как набор правовых принципов и норм, так и моральных правил (возможно, и ожиданий), которые имплицитно присутствуют в правовой материи и определяют более широкий набор требований в области конституционной практики и публичной морали.

Конституция проявляет себя как Основной Закон страны или как Высший Закон для государства и общества, личности в пределах территориальной юрисдикции государства (как правило, хотя есть исключения). Термины “Основной Закон” и “Высший Закон” часто используются в конституционно-правовых исследованиях как тождественные. В словосочетании “Основной Закон” аккумулируются представления о законе, который закрепляет основы политической, экономической, социальной и духовной систем общества, взаимоотношений личности и государства. В современных исследованиях отмечается роль конституции как среды обитания, требующей рационального использования⁵⁰, и в то же время представляется важным отметить, как правового пространства равных возможностей. Важную роль она играет и в формировании единого конституционно-правового пространства страны⁵¹.

Проблема сочетания моральных и правовых ценностей может рассматриваться в рамках соотношения большого и малого круга конституционализма. Данный подход формируется как развитие представлений о существовании конституции с прописной, или заглавной (большой), буквы “К” и конституции со строчной (маленькой) буквы “к”. В частности, такой подход был сформулирован в работе английского исследователя британской конституции Э. Кинга⁵², который предлагает разграничивать два вида конституций: конституции с большим “К” следует отличать от конституций с небольшим “к”. Малые “к”

конституции составляют наиболее важные “правила и понятия” — неписанные и писанные, молчаливые, а также явные, — которые регулируют деятельность высших органов соответствующей страны. В стране без небольшой конституции “к” не было бы стабильного управления учреждениями (жизнь в такой стране, по его мнению, будет похожа на жизнь в естественном состоянии Гоббса — *Hobbes's state of nature*). Второй вид конституций — конституции с большой буквы “К” “кодифицируются”: с ними можно обращаться в любой хорошей библиотеке. Они содержат положения для их собственного изменения и толкуются авторитетными конституционными судами. В понимании сочетаемости моральных и правовых ценностей в публичном и конституционном правопорядке значимый интерес представляет именно соотношение большого и малого круга конституционализма, а не только выявление сфер реализации конституций с прописной, или заглавной, и со строчной букв (в понимании Э. Кинга).

Сочетаемость моральных и правовых ценностей отражается на публичном правопорядке в целом и на конституционности и конституционном правопорядке, в частности. Большой и малый круги конституционализма призваны объяснить проблему сочетаемости моральных и правовых ценностей в публичном и конституционном правопорядке. Малый круг конституционализма включает писаную кодифицированную (или некодифицированную) конституцию и доминирующую в стране и публичном правопорядке официально признаваемую доктрину верховенства конституции, а также практику официального нормативного и казуального толкования конституционных норм и взаимосвязанного с ним законодательства. Большой круг конституционализма охватывает различные источники конституционности: исторические, моральные, правовые, публичную практику конституционализма с участием всего круга субъектов конституционного правоприменения и конституционного толкования, их моральные и правовые ценности, дающие представление о совокупности правил, принципов и норм, обеспечивающих конституционный правопорядок в стране.

Применительно к российскому конституционному опыту и государственно-правовой традиции следует задуматься над следующими

⁵⁰ См.: *Страшун Б.* Конституция России — среда обитания, требующая рационального использования // Конституционное право. Восточноевропейское обозрение. 1999. № 4 (29). С. 145–148.

⁵¹ См.: *Демидов В.Н.* Конституция РФ и единство конституционно-правового пространства Российской Федерации // Журнал рос. права. 2009. № 6. С. 14–23.

⁵² См.: *King An.* The British Constitution. Oxford, 2007.

вопросами: 1) конституции с большой буквы существовали в истории Российского (Советского) государства (по крайней мере с 1906 по 2018 г.) и существуют сейчас как Конституция РФ 1993 г., однако были ли в этот период конституции с малой буквы как совокупность правил и традиций в публичной сфере и какими они были; 2) следует задуматься над тем, что такое конституция (или конституции) с малой буквы “к” в истории государ-

ственно-правового развития страны; публичные традиции и правила отправления публично-властных функций — изменяемое содержание и конституционализма, и конституций с малой буквы; 3) какие малые конституции (с буквы “к”) действуют в среде большой Конституции в период с 1993 по 2018 г.; 4) как взаимодействуют большая и малые конституции современной России.

CONSTITUTION AND VALUES OF THE CONSTITUTIONALISM AS A MEGA-PARADIGM

© 2018 I. A. Kravets

Novosibirsk State University

E-mail: kravigor@gmail.com

Received 28.09.2018

The article formulates and justifies the methodological understanding of constitutionalism as a mega-paradigm. It considers the theoretical bases of constitutional teleology and constitutional axiology, their correlation in the Russian constitutionalism, identification and polysemy of constitutionalism; universality, plurality and public interest as the values of constitutionalism; teleological norms as constitutional requirements, the correlation of legal and moral values in a large and small circle of constitutionalism. The author used general and specific scientific methods, formal legal, specific historical, comparative legal and complex analysis of legal acts, state-legal and interstate practice, methods of constitutional design and legal hermeneutics for interpreting the normative foundations and prospects for improving Russian constitutionalism in the conditions of formation global constitutionalism. The novelty of the study is to comprehend the polysemy of constitutionalism in the domestic and comparative jurisprudence, to develop the theoretical foundations of constitutionalism as a mega-paradigm.

Key words: constitutionalism, polysemy, constitutional teleology, axiology, constitutional requirements, constitutionalism as a mega-paradigm, constitution, constitutionality, public interest, stability and dynamism.